

АЛЕКСАНДР ШКУРАТОВ

Сборник стихов

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Shkuratov Alexander

Александр Шкуратов

Проникновение. Сборник стихов

«Издательские решения»

Шкуратов А.

Проникновение. Сборник стихов / А. Шкуратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936653-5

Стихи Александра Шкуратова разнообразны по содержанию, и его Поэтическая Ткань обволакивает читателя Энергией Символов и образов, соединённых в Пространстве в одной Точке, то есть в Вашей Душе, которая бесконечна и многогранна. Александр редко использует квадратную форму стиха, ему свойственно, как композитору и аранжировщику, создавать поэтическую Гармонию из Непроявленных образов и Непредвиденных обстоятельств. Его Поэтические Небеса Волшебны и Гармоничны, ощутите Их и расшифруйте.

ISBN 978-5-44-936653-5

© Шкуратов А.
© Издательские решения

Содержание

Из Плоты – в Дух	7
Вечная пауза	8
Оборванная нить	9
Кому не доводилось ждать	10
Годов прожженье	11
Жребий	12
Лишай	13
Паутинка Времени	14
Чуть выше сердца	15
Отставший	16
Бумажный квадрат Мечты	17
Утонувшие в сомненьях	18
Потерял я времени много	19
С каждым шагом Дорога сужается	20
Я выдумал город прекрасный	21
Мы сами усложняем жизни путь	22
По жизни не надо Много	23
Две правды – два противоречья	24
Минорный марш	25
Белый Каприз	26
Внимание! – Прорыв!	27
Без тепла	28
Кому мне верить?	29
Зажигаю свечу	31
Синее солнце не стало светить	32
Я и Ветер	33
По Гёте	34
Желания в себе храним	35
Бумага, полночь и чернила	37
Рождение	39
Ужасный мир	40
Следы	41
Пустота	42
Боль моих дорог	43
Встревоженные тона	44
Дорога	45
Первый заморозок	46
Пустозвонство	47
Трагедия Художника	48
Об обиде	49
Триумф	50
Нарисовали и сказали	51
Кузнец	52
Не раз мы задаём себе вопрос	53
Падение в Небо	54
Вынужденный актер	55

Кто выкрал свет?	56
Несогласие	57
Мастер	59
Вечный холод	60
Волки	61
Иду Туда	62
Ветер Времени	64
Кнут, уздечка и небо	66
Каверзы	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Проникновение Сборник стихов

Александр Шкуратов

© Александр Шкуратов, 2018

ISBN 978-5-4493-6653-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из Плоти – в Дух

Принёс с Небес
мне Ветер Стих
и враз затих,
как изнурённый Ангел
длинною дорогой,
которая
меня соединяет с Богом.
Я óжил,
воссоздав себя
в который раз,
из пепла – в плоть,
из плоти – в Дух.
И слух прошёл по Небесам,
что кто-то Там
пытается не умереть
и вечно жить.
Всё так и есть, —
я на земле
создать
пытаюсь
Небо.

Вечная пауза

Давайте представим,
что жизнь —
это Музыка.
Вы —
музыкант,
но в молчании паузы.
Ждёте Вступление своё
из-за такта
в чью-то Гармонию
в чей-то Аккорд.
Новый рекорд —
непрерывность молчания.
Ржавые струны —
забыли звучание.
Клавиши в пыльном налёте
не помнят
прикосновения
чутких пальцев.
Пальцам
давно не вернуть
Виртуозность.
В том-то и сложность,
что надо считать
в такт
пустоту —
вечную паузу.
И долготу ожиданий
никак не узнать...
...Давайте представим,
что Жизнь —
это Музыка,
а Музыку —
надо Играть.

Оборванная нить

Оборванную нить связать
и дальше вышивать
прозрачный мир
цветами собственной души.
И не понять,
и не сказать
в объятьях призрачной тиши, —
кого любил,
и как любил.
Нить порвана,
и не связать.

Кому не доводилось ждать

Кому не доводилось ждать,
тому не доведётся встретиться.
А коль уж надо умирать,
то следует родиться
и воплотиться
в чью-то плоть,
чтоб вновь
чужую прихоть
подчинить себе
на этой выцветшей земле.
Кому не доводилось ждать,
тому не время умирать.
Он не оценит радость встречи
и не поймёт чужой тоски.
А я
до гробовой доски
несу её,
подставив плечи.
Наверно, я умею ждать,
но не умею
умирать.

Годов прожженье

Годов прожженье выльется
к смердящим свечкам;
К пожару —
к горизонту выжженной степи.
Разбитый колокол,
сквозь трещину
звони!
Звони!
Сгорает жизнь —
ни крика, ни словечка.

Трезвонь-трезвонь
в цветочный колокольчик,
ветер.
Задуй свечу
среди пальцев —
радостью к цветам.
Приблизь росы прохладу
к выжженным губам.
И разомкни сомкнутость век.
С глаз выдуй пепел.

Коль возвратится жизнь
в золу,
в года – прожженье,
То обречёт себя
на грешности упрёк.
А Тот её живую...
вдоль и поперёк...
Проклятый круг.
Пылают жизни
в пораженье.

Жребий

Кто бросил жребий и себя
в поток безумного Огня.
Тот будет пламенем объят...
По всей земле Костры горят.

Горит свеча, а в ней – душа.
Сгорает Время не спеша.
Пусть горы пепла за спиной,
Но ты среди Огня —
живой.

Покоя Жребий не даёт —
в Огонь бушующий зовёт.

Лишай

О, где ты, Чистый Воздух!
Довольно трепалогий!
Мне мёрзка закулисная Возня!
Сценарий Чернословия —
Лишай – мирок убогий.
В законе: Власть Бактерий,
И вертикаль до неба.
И тарахтит Машина,
Машина царских гениев.
Работает на нано топливе, дерьме.
Мы корчимся от яда жизни,
Приговоренные к греху,
И тихо молимся ночами
и кто Кому, и кто Куда.
В смятенном Сердце – шквал сомнений,
уж нет почти Тепла в Душе.
А было ль Это?
Иль было всё не ТО?...
Торчит, как боль,
Адамово Ребро.

Паутинка Времени

Вцепившись в паутинку Времени,
лечу.
Потерей птичьей, – голосом
кричу, кричу!
И по колено
в прошлом дне увязнув,
не вытащив ноги,
не вырвав из груди
весь спёртый запах
утвержденья бытия,
полёта лёгкость обрета,
несу земную тягость
в стеклопрозрачные дворцы.

В огонь зарницы
летят за мною птицы.
Веслом в бездушии
гребут напрасно крылья.
Комком безжизненным
встречаются с землёй,
с мишенью,
выбранной стезёй.

Картинкой вырвана
безумная идиллия.
Я пролетаю
над истлевшими мирами,
над жидким воском крыл, —
Икаровой мечтой.

Мертвец из Прошлого кричит:
Постой... Постой...,
простись
с бездушными
холодными
телами.

Чуть выше сердца

Когда в чуть выше сердца
тревожное
приходит Что-то,
я обращаюсь в боль бескрайнего стиха.
Понятен он лишь мне
и больше никому.
В плену
вчерашнего греха
на свежем, влажном пне
мне рубит голову невидимый палач
обычным, острым топором.
Горит костром
чуть выше сердца.

А в сердце —
клоун и трубач
распиливают жизненную сцену.
Хотят иметь по собственной арене
для сольных личных представлений.

Визжит пила. Кричит полено.
«Не плачь, безмозгая,
не плачь,
возьми с меня пример,
и наберись терпенья».
Полено замолчало,
увидев говорящую
отрубленную голову мою.
А я стою без головы
среди звенящей темноты...
Когда в чуть выше сердца боль уходит,
Очнувшись, с грустью удивляюсь,
что я не человеком, а тополем
на Белый Свет Являюсь.

Отставший

Я так спешил на поезд свой,
но к отправленью не успел.
Сорви стоп кран, товарищ мой,
ведь я уехать так хотел.

Сорви стоп кран, —
мне не догнать
летающий вдаль стальной экспресс.
Но подожди ж,
ядрёна мать!
Ты кто,
товарищ или бес?!

Я всё отдам, —
сорви стоп кран!
Бежать за счастьем – нету сил!
Сорви, дружок, —
с меня сто грамм,
я свой билет за жизнь купил.

Бежал я, падал и вставал,
гудела рельсовая сталь.
А друг в купе лежал, зевал.
Но может он не друг, а шваль?

Сорви стоп кран, глухой баран!
От крика —
глотка на куски!
И сердце бьёт, как барабан:
Сорви стоп кран!
Сорви стоп кран!

Услышал кто-то
и нажал
на туалетную педаль.
«За Тём так долго ты бежал?» —
спросила рельсовая сталь.

Бумажный квадрат Мечты

Сегодня мальчишка запустит бумажного змея.
Запустит с надеждой на долгий полёт.
Квадрат, как квадрат,
из бумаги и клея,
он Суть Вознесения в небо несёт.

Назвал он бумажный квадратик «Мечтою»
И нитку к «Мечте» подлинней прикрепил,
Чтоб выше она поднялась над землёю
И вновь возвратилась,
набравшись Там сил.

Вот держит мальчишка на нитке всё небо.
Он держит мечту над собой высоко. —
А старый рыбак тянет море за невод, —
Мечта рыбака где-то там, глубоко.

Стальными тросами держать Её надо,
Чтоб злой ураган не оставил пустынь
на месте зелёного, дивного сада...
Держать Её надо... во имя Святынь.

Сегодня мальчишка запустит бумажного змея...
Запустит с надеждой на Долгий Полёт.
Квадрат, как квадрат, из бумаги и клея,
Но Смысл всей Жизни он в Небо взметнёт.

Утонувшие в сомнениях

Утонувшие в сомнениях,
в муках тела и души,
в неоправданных стремленьях,
в неосознанной тиши.
Захлебнувшись, созерцают
прелесть илистого дна.
Там внизу алмаз мерцает
в храме призрачного сна.

Потерял я времени много

Потерял я времени много
И поэтому, – сделал мало.
Да что толку, – судить себя строго,
Мне от этого лучше не стало.

А терял всё по воле чьей-то,
разгребая руками пепел.
Чьи-то губы ласкала флейта,
А мои – сумасшедший ветер.

Я отчаянно тратил годы,
пробивая сквозь кремень дорогу.
Но меня уносили Воды.
А куда? Лишь известно Богу.

Я бы сделал в той жизни больше,
Но вмешалась царица Харизма...
И пожил бы, быть может, дольше —
До «Светлейших Времён Коммунизма!»

С каждым шагом Дорога сужается

С каждым шагом Дорога сужается,
Всё трудней и опасней наш Путь.
Что-то там впереди приближается,
Может Это, в чём Смысл и Суть.

Но дорога короткой нам кажется...
От рекордов на скорость житья
Человек непременно откажется,
Если заново Старт даст Судья.

Не пугает нас самое страшное,
Не тупик в окончанье Пути,
Хотя Жить – это самое важное,
И никто не желает Уйти.

Свалку прожитых лет ощущаешь
Всё трезвей за своею спиной. —
Это много иль мало, но знаешь:
Не измерить Дорогу длиной.

Ох, как быстро... старательно быстро,
ВСЁ летит от Чего и Куда?
Я мишенью бросаюсь на выстрел,
Но с надеждой вернуться Сюда.

Я выдумал город прекрасный

Я выдумал город прекрасный,
Город честных, красивых людей.
Город был никому неподвластный
Там, в Материи мысли моей.

Разукрасил я город цветами,
И смешным лепетаньем детей...
Там, как ангелы птицы летали
Среди ярко-зелёных ветвей.

Да, мой город был сердцем Вселенной,
Он был чистым, как сон малыша,
Был он песней моей сокровенной, —
И в нём Время текло не спеша.

И открыл я ворота в мой город
Для знакомых, для близких, друзей,
И заметил я взгляды с укором
Незнакомых сердитых людей.

И мой город был дерзко разграблен
Был разрушен мой Дом и мой Храм. —
Я среди пепла под небом оставлен
На съеденье бесовским стадам.

Сохранил я тайком в своём сердце
Все осколки от светлых надежд.
Но, а ключ от таинственной дверцы
Я припрятал от массы невежд.

Мы сами усложняем жизни путь

Мы сами усложняем жизни путь,
Бежит песок сквозь стиснутые пальцы,
Затихнут нашей молодости вальсы,
А музыку обратно не вернуть.

Мы сами усложняем «белый свет»,
Мы сложностью своей его затмили,
Мы имена любимых позабыли
И ожидаем тех, которых нет.

Как сложен поиск истинных дорог,
А Истина лишь в том, что все мы вместе
Поём про нас придуманные песни.
Нас песни защищают от тревог.

Мы усложняем сердца простоту, —
Протянутой руки цена огромна, —
Когда мы вместе, – Всё правдоподобно,
Как слово «здравствуй» слышать поутру.

Мы сами усложняем жизни путь...

По жизни не надо Много

По жизни не надо Много.
Во Многом легко раствориться,
разбавив себя на частицы,
не сделав самого Главного.
По жизни достаточно грамма
воды на иссохшие губы,
совета от мудрого Неба
и права на корочку хлеба.
Ты Есть на земле, —
это – Много,
ведь ты составляешь Целое,
Великое,
Неповторимое...
А разве Этого мало:
быть Вечностью неизмеримой?
По жизни не надо Много,
по жизни не надо Мало.
Всего лишь, —
самую малость, —
чтоб сердце нам в радость стучало.

Две правды – два противоречья

Две правды – два противоречья. —
Два бога во плоти
сомкнули Будущее с Прошлым,
терзая Настоящее незримой силой
Добра и Зла,
Любви и Ненависти.
Две правды – две борьбы. —
БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ, БОРЬБА ЗА СМЕРТЬ...
Наш Дом,
в котором мы, увы, не научились жить, —
заброшен и не убран.
В нём Ночь и День
Без сожалений
сжигают Маленькие Тайны Космоса,
а каждая звезда нам посылает
знак предосторожности,
которого, пока, не видим мы... —
ОСЛЕПШИЙ МИР
С НАДЕЖДОЙ НА ПРОЗРЕНИЕ
Но «близорукость» не мешает нам
в познании земного счастья,
и в созерцанье Подвига,
огня в самосожжении...
Две правды – два противоречья, —
два бога во плоти сомкнули Будущее с Прошлым,
терзая Настоящее незримой силой:
Добра и Зла,
Любви и Ненависти.

Минорный марш

Прошу Вас,
Живите для доброго слова
и доброго дела.
Прошу Вас,
любите.
И пусть безвозмездно,
и пусть без возврата. —
Ничто не утрата,
ничто не потеря.
Всё в Свет обратится
каким-нибудь утром,
таинственным пламенем
вспыхнувшей свечки...
Прошу Вас,
Живите,
прошу Вас,
Любите —
не много нимало,
мечтая о Встрече...

Белый Каприз

Уж слишком много
хотим мы счастья.
А счастья нету,
и ждать – напрасно.
Но много фальши,
и жуткой власти,
и много боли
в уставшем сердце.
Нас долго лечат
дурной микстурой,
она противна
и тошнотворна.
Одну таблетку —
взамен на счастье.
Статья закона —
ты вне закона.
Одно хотенье,
одно желанье:
уснуть быстрее, —
забыть страданье.
Не просыпайтесь
в пылу экстаза, —
дурна машина
жестоким властью.
Проснитесь позже
за дивным морем,
где правит правда,
где шаг до счастья.

Внимание! – Прорыв!

Внимание! – Прорыв! —
Я выхожу из серии обломов,
как ошалевший зверь
из порохового дыма.
От поражения к успеху
спешу глотнуть вина
с божественных плодов
во имя искалеченного сердца.
Настойчиво ползу на Свет
из подземелья.
Пусть Солнце мне излечит слепоту.
Ползущие из тьмы,
ползущие из пепла.
Вы,
словно сок живительной земли,
спешите через вечный корень жизни
к Большому Солнцу мира
и Любви.

Без тепла

Шёл человек по снегу,
не оставляя следов.
Снег пролетал сквозь его сердце,
не успевая растаять.
Человек пел январскую песню
об осенней серости
и майских дождях.
Его голос дрожал
и не был слышен
за тысячу вёрст,
за тысяча одну ночь.
Да и слушать было некому,
Кроме умерших снежинок,
тесно прижавшихся друг к другу.
Шёл человек
по мёртвому брильянту,
оберегая хрупкие кристаллы,
не нарушая Геометрии Вселенной.
Он видел бесконечный снег
и солнце,
обращённое к нему спиной.
А тень настойчиво ползла за ним,
ползла через сугробы
заледеневшей памяти —
Движенье вечное
среди вечной мерзлоты...
Шёл человек по снегу,
следов не оставляя...
Откуда
и Куда?
Как Долго
и Зачем?

Кому мне верить?

(Текст песни «Кому мне Верить?»)

Кому мне Верить?
Кого Любить?
Кому Поведать в Откровении своём?
Кому мне Верить?
Кого Любить?
Кого забыть,
кого же вспомнить этим днём?

Я верил в обещания людей,
Я верил, что есть честь и состраданье.
ТАК предали и продали людей.
Безумным фарисеям на закланье.

Кто честь свою закладывал за грош,
Теперь внушает правила «святые».
Мы видим узаконенную Ложь,
Что Правдой именуется поныне.

Забывшие, разбитые сердца,
Шаги во тьме и пропасть недоверья.
Нас поджидают в Жизни без конца
Закрытые, таинственные двери.

Был сотворен Богами Человек,
Но сделали рабами нас не Боги.
Затмили грязной Ложью Белый Свет
Безликие, Бездушные вороги.

Обрезали Божественную Связь.
Мы Предков дорогих своих забыли.
Не различаем где Любовь, где Страсть.
И Чувства Благородные остыли.

Кому мне Верить?
Кого Любить?
Идя по лестнице, ведущей к Небесам.
Кому мне Верить?
Кого Любить?
Нет Никого, —
Твори Судьбу свою лишь Сам.

Зажигаю свечу

Зажигаю свечу
от Большого Огня
и несу огонёчек робкий.
Не дышите ветра,
пропустите меня,
не срывайте с листа мои строки.
Пусть скользит жидкий воск
сверху вниз
по Кресту,
пусть согреет холодную землю.
Может быть
я сюда никогда не приду,
может быть, вообще,
я здесь не́ был.

Синее солнце не стало светить

Синее солнце не стало светить
и не хочет вставать по утрам.
Синеглазые будут грустить,
красноглазые станут пить
красную гадость, и гнать
на Вечное Небо.
Что же вы мечетесь, разноглазые?
Каждому дай по цвету желанному:
синему – синее,
красному – знамя и в бой.
А этот не просит, —
так он же слепой.
Какого же цвета слепого покой?

Я и Ветер

В моей груди —
Источник Ветра.
В любой глуши —
мои глаза и моё сердце.
Я Вижу и Живу во Всём,
что есть на белом свете...
Унёс мои лета
неугомонный Ветер... —
Я всё отдал Ему —
Свободному
и Чистому,
Бессмертному
и Сильному...
Терзай ковыль моих надежд
всем волшебством
Небесных Пальцев...
А дальше,
через сотню лет
в луга моей Души
снеси букет цветов.
Через сто лет.
Считай, что завтра,
поспеш.
Снеси,
снеси цветов букет
в бескрайний луг моей Души.

По Гёте

Кто ищет, – вынужден блуждать,
страдать, оторванным от мира.
Бросать уютность очага.
Куда глаза глядят
идти,
пока не покидает сила.

Кто ищет, – вынужден блуждать
по непроторенным дорогам.
Вбивать следы,
следы признанья,
в окаменелое молчанье.
Вбивать,
но всё ж надеяться на Бога.

Кто ищет, – вынужден блуждать.
ТАМ
в безответности вопроса,
за той чертой,
где горизонт,
раскрыть дырявый зонт,
чтобы укрыться от хаоса.

Кто ищет, – вынужден блуждать,
кричать в глаза глухому полю,
ловить ушедшие шаги
ценой невидимой руки,
влачить судьбу, —
отмеренную долю.

Кто ищет, – вынужден блуждать,
не ждать умчавшегося эха
в края неслышных голосов, —
а то в «роман», что без листов, —
в твой дом вползёт всеобщая потеха.

Кто ищет, – вынужден блуждать...

Желания в себе храним

Желания в себе храним, таим,
и тем себя мы гробим.
А Нежелания свои,
Порой, ведём в коллапс слепых, порочных дней.
Таим в себе желанный вкус
предчувствий истины глотка.
И в пустоцветии цветка
нектар напрасно ждём.
Огнём пугаем порох в глубине души,
своих эмоций звонкие гроши меняем на шиши.
Таим в себе рождение греха
иль может быть росток победы.
Но вместо яств – отвара лебеды глотнув,
поморщишься слегка,
скривится морда,
и убивай тогда следы каких-то скороходов
осколком ржавого меча.
А пятки жжёт свеча желаний,
страданье жаждет упований.
Солёный привкус нашей крови
нам хмурит брови,
бьёт в виски.
Зажав в тиски, Что больно,
ведём себя спокойно и достойно.
Сжимаем горло радостному крику,
кромсаем крылья будущим полётам,
хотя, подобно звездочётам,
тайком подписываем в Книгу Жизни
название придуманной звезды.
Мы рвём себе узды своими ж
беспокойными руками
и бьём себя пинками.
Зато таим, молчим, храним
до непредвиденных времён
своих Имён.
А Что таим?
И Что храним?
Течёт Тяжёлая Вода.
Её никто не остановит никогда.

Бумага, полночь и чернила

Парад ночей
беззвучно марширует
по шаткой плоскости
уснувшего сознания...
А звёзды неба
с четырёх сторон
и плачут и смеются.
ОН поднял тело
над мерцанием мира,
ОН опустил его
в бушующий вулкан,
ОН разрезает Млечный Путь
на нимбы
и принуждает вечно жить
в сознании ночи.
Отдай мне Дух,
верни мне смертность, —
Бессмертье траура полно,
Оно мне слишком вечно.
Умножить ночь на ночь, —
в итоге:
получишь два печальных и бездонных глаза.
Разделишь ночь на ночь, —
получишь в полночь трещину в груди,
а грудь не закрывай, —
пусть птицы прилетают
и Там живут...
Корми их теплотой своей души.
Не спи, когда все спят,
не поддавайся компромиссам тела.
Пусть тело спит, а ты не спи. —
Слетай на родину души.
А пепел из змеиных шкур
вытряхивать не надо.
Ступи на них ногой, —
и облако взлетит
без смысла
и без назначенья...
Знай,
что Ночь скрывает Всё,
всё то,
чего и Нету,
а если есть,
то никогда никто
об Этом не узнает...

Ночь усыпляет Жизнь,
и прячет Стыд
во благо Красоты.

Рождение

Огромный Чёрный Инструмент
тяжёл и стар,
нестроен и расстроен.
Ночное сочинение —
Больное откровение
свершалось в клавишном бреду.
Немой портретный комплемент
встречал рождённую Беду.
Она змеёй ползла
из всех щелей столетнего рояля...
И чёрный, мутный лак,
и чья-то тень лица,
и чьи-то руки без конца
сгребают наземь горсти клавиш...
Как будто,
именно, вот так,
на свет пускают мертвецов
без матерей
и без отцов.
Их жить вовеки не заставишь
молитвой нотного листа,
ценой надгробного креста.

Ужасный мир

Ужасный мир, —
ужасные сердца, —
Прекрасное попутали с деньгами,
Величье – с властью,
Честь – с врагами
а Лик Святой —
с бесстыжестью лица.

Ужасный мир, уродство плодоносит.
не страшен Ад крошечный
живущим на земле в «раю».
Дрожат за свою шкуру должностную
и славицу двурогому поют.
А кто у Бога неустанно просит,
то тем, кто просит – вечно не дают.

Ужасный мир, —
зловонная помойка...
Кто превратил его
в покой для идиотов?
Кто отобрал у слабого
последний кусок хлеба?
Кто строит инкубаторы
для новых душеглотов?
Кто метко в грудь стреляет
беззащитному?
Кто бесам право дал
на «Небо?!»

Ужасный мир деньгою лихорадит,
знобит от жадности,
трясёт от страха...
Но видно, лишь Господь
и его Плаха
устроит Суд земным божкам
под звуки мощного Небесного Органа.
Под звуки Баха...
Иоганна...

Следы

Вот бегут за мной следы
моей памяти.
Они все в огромный след
собираются
и пугают, что со мной
рассчитаются:
«Неужель, Хозяин, нас
вы оставите?
Помнишь,
втаптывал ты в грязь
нас, раздавливал.
Ты бросал нас за спиной,
не оглядываясь.
По неведомым путям
рвался, радуясь,
даже стон своих следов
не улавливал».
Может быть мои следы
пропечатают
бесконечным тиражом
в строки ровные.
Если рифмой не простой
зарифмованы,
значит пошлостью навек
опечатают.
Я искомканную жизнь
рвал маршрутами.
И смеялся надо мной
некий праведник.
Я воздвигну из следов
людям памятник,
из оставленных следов,
ставших грудями.

Пустота

Пустота. Пустота. Пустота.
Как ты мерзка
и прекрасна.
Как умело
ты отводишь мои руки
от навалившихся,
неотложных дел.

Пустота. Пустота. Пустота.
Ты существуешь
со звоном в ушах
и с бессмысленным взглядом
в кривой потолок.
Замурованным криком
заполняется вакуум.
Взгляд Пустоглазия.

Пустота. Пустота. Пустота.
Ощущение
бессмысленности тела.
Белыми страницами —
Прошлое.
Ни чём не влекущее Будущее.
Лишь Тепло под одеялом
располагает к Вечности.

Пустота, разинув бездонную пасть,
неумолимо движется мне навстречу.
И я, покорившись,
скрываюсь в ней,
и закрываю глаза́ без надежды на Утро.
В Пустоте никто не спасёт.
Там – пусто.

Боль моих дорог

И пусть за боль моих дорог
Отдачи нет.
Пусть в паутине
восемь букв фамилии моей.
И пусть я —
обладатель ящика в столе,
в котором,
как в темнице,
гаснут тысячи огней.
Они,
рождённые светить,
познали склеп,
бронь стен,
и страх теней,
подсвеченных свечой
в руке младенца,
не увидевшего Света.
И пусть двуногие пегасы
с многотиражной гонореей,
с задравшей гордо головой,
меня не замечают,
в общем,
где-то,
но я замечу их строкой,
строкой
«какого-т там поэта».

Встревоженные тона

Любовь и Ненависть едины,
как боль и кровь в живых телах.
И эта боль —
последний взмах, —
набросок будущей картины.
Картина вся моя вне цвета, —
мазки встревоженных тонов.
Тоска покинутых домов
настигнет вдруг у края света,
в цвету сгорающих садов...
На месте сада —
быть болоту,
на месте замка —
шалашу.
Но я прощенья не прошу,
за то, что жил в полу-охоту.

На холодеющих ладонях
я робко нёс полу-мечту.
Скупал я дряхлые надежды
у неких Вестников Судьбы.
А сам, как одуванчик на ветру, —
ловил остатки сорванной одежды.

Дорога

Бежит дорога
сквозь пламень сада,
сквозь тишь и холод
опустевших комнат.
Бежит,
крадётся,
извивается змеёй.
Под небом,
под землёй.
Сквозь рай,
сквозь ад.
Как трудно развязать узлы
запутанных дорог,
разъединить две лопасти креста, —
две пересекшиеся линии судьбы.

ОНА пьяна от затаённого греха.
ОНА больна полоской горизонта,
Обвинена, расстреляна и сожжена.
ЕЁ несли в цветё бумажном
до врат кладбищенских,
стволом толкали в спину.
За струганным столом ЕЁ корили нищие.
Дорога. —
Сквозь тяжесть тел на виселицах Мрака,
сквозь «кровь за кровь», навстречу Постаментам,
в честь основателей безлюдных городов.
Дорога наша:
в глубь веков,
и в глубь Вселенной.
А впереди зовет нас вновь, —
непознанный ни кем,
комочек Истинного Света.

Первый заморозок

В ноябре дождливы ночи,
И темны́ на редкость очень.
Злы собаки в ноябре.
Каждый в собственной норе
Создаёт себе уют.
Дайте путнику приют!
Он стучится к ним в окно,
И дрожит всем телом,
но
им на путника плевать:
«Пошёл вон, ядрёна мать!
Он,
униженный и мокрый,
Вновь стучится в чьи-то окна.
И везде ему отказ:
«Извините,
не до вас».
Выходя из тёплых хижин,
утром ёжился народ,
Только путник неподвижен...
Обратился путник в лёд.

Пустозвонство

От пустозвонства
кругом голова идёт,
от пустотелых споров
и неразберихи.
От раскалённых слов
не тает лёд
неразговорчивой зимы, —
в ней стынут крики.

Поджечь – раз плюнуть,
в человеке мыслей бред.
Он будет бредить до спасительной сирены.
Гляди, спасёт его пространственный ответ,
большим наркозом, втиснутого в вены.

А кто-то
должен пустоту рождённых слов,
значеньем начинать
непобедимым.
Искать свой след
среди сборища следов.
Искать свое лицо,
С желаньем агрессивным.

Трагедия Художника

Раскинет поле за холмом,
проложит русло для ручья,
толкнёт рукой цветы
и колокольчики звучат.
Заставит птаху замереть
в полёте,
а потом запеть
цветами красок и тонов. —
Так оживает полотно.
Стянул он кистью облака
над красным полем маков,
а отраженье окунул в ручей
для подлинности факта.
Казалось, птица
вот-вот-вот
продолжит прерванный полёт.
Но никли руки, обессилев,
зря кисть ласкала грубый холст.
И не взмахнуть засохшим крыльям
над полем маковым,
над остановившимся ручьём,
Закон таков:
без Воли Божьей —
наш мир
на неподвижность обречён.

Об обиде

Как часто незаконная обида
нас выбивает из седла,
из колеи,
и гонит прочь,
толкая в спину,
где ночь
сомкнуть не может глаз
в раздумьях до зари,
где ищут сочинённую вину,
как ключ от замурованной двери,
как безобидную причину,
комком свернувшимся в груди.

Триумф

Оркестр играет громко
для каменных белых статуй
и тошнотворная музыка
у них вызывает рвоту.
Они извергают камень
и стонут под белой пылью.
Руины – под громкую музыку!
Агонию – под какофонию!
Смерть – под взмах дирижёра!
Остались одни постаменты —
победный восторг у оркестра.
От радости треснула кожа
на лысине у дирижёра.
Мы – всемогущие! —
Потрясал он когтями ястреба
среди стона белого камня.

В час рассвета Солнце не вышло...

Нарисовали и сказали

Нарисовали и сказали:
здесь будешь жить.
«Не буду жить в безвкусице,
того не быть», —
ответил я, —
«У вас заря на западе
и луг – дубиновый,
закат – резиновый,
застрявший в копоти,
пустые хлопоты,
чужие козыри. —
Всё в райской рамочке.
Не дуйте ноздри, —
вас не боюсь
ни граммочки. —
Талант вне времени
лишён рассудка.
Зачем по темени?
Зачем так жутко?
Ведь можно тихо
и без стука
нарисовать меня
где б вы хотели.
Но, например:
в гробу,
в постели...
А добровольно, —
никогда!
Не стану жить
под властью глупого рисунка».
Такие
вот,
дела, Ван Гоги.

Кузнец

Счастливый Кузнец куёт, пока горячо,
и в помощь ему – огонь, да старенький молот.
Куёт, улыбаясь, и плющится холод,
и в нежной усталости ноет плечо.
Он образ металлу любой предаёт,
Он счастий подковных творец.
Железное сердце на плахе.
Удар!
И брызги, как кровь горячи.
Он «вечное сердце» куёт людям в дар,
для прочности – пламя в печи.
Останется сердце на тысячи лет.
Конечно, живым не взамен,
но всех пережившее, —
Времени след, —
В нём пульс металлических вен.

О, добрый Кузнец!
Я прошу,
не куй металлических душ.
Твой молот бессилен и мягок
против душевных загадок.
Не куй
металлических
душ!

Не раз мы задаём себе вопрос

Не раз мы задаём себе вопрос.
Он как допрос. —
К чему Всё это?
Мы в паутине лет,
через хаос,
безбожно рвёмся
к ослепительному Свету.
Но, обжигаясь, падаем на дно.
Истлеют крылья в горьких убеждениях.
Заглушит боль и крик души – вино,
и откровенность тел,
во сладостных сплетеньях.
Велик соблазн мгновений забытья.
В них можно позабыться безвозвратно.
Забылся? —
Ветром в поле не найдёшь себя,
И прежних дат не возвратишь обратно.

Но коль в тебе застыл вопрос:
Ради чего, зачем Всё это?
То, значит, ты корнями врос
в святое, истинное дело.
Не бойся ослепительного света.
И чаще
сам себе
устраивай
допрос.

Падение в Небо

Я падал со скалы,
а дно,
спасти пытаюсь,
отодвигалось от меня
всё дальше вниз,
всё ниже.
А пропасть
бесконечною казалась.
Но дно отодвигалось.
А мне на встречу —
дым и свет,
и время мчалось
за мною вслед.
О нет, —
не падал я, —
летел,
летел ликующий
в Блаженстве.
И понимал одно,
что дно опасным не казалось,
оно
в Пространство Неба
превращалось.

Вынужденный актер

Я гарцевал на вороном коне
в парчовом дорогом кафтане.
К тому ж,
помахивал небрежно шляпой
ликующей толпе.
Кидал под нóги им монеты,
и сдерживал улыбку в бороде.
И обжигался взглядами красоток,
которые, так много обещая,
влекли к уединению —
в покои спален.
Я громко крикнул:
Люди, я вам рад!..
И от фантазии очнувшись, вдруг увидел:
вокруг меня —
толпа зевак.
А я – на палочке верхом,
в пальтишке ветхом
махал застиранной фуражкой.
А вместо глаз красоток —
сочувствующие взгляды
«гомо сапиенс»,
горела в них чрезмерно
любопытность.
Концерт им мой понравился,
и я, раскланявшись,
ушёл,
фуражку сдвинув на глаза,
куда глаза глядят,
чтоб щекотливая слеза
была легка
в скольжении вдоль щёк.
Туда,
где глушит плач гроза,
Туда,
куда никто не идёт.

Кто выкрал свет?

Кто выкрал свет?
Кто выкрал день?
Зачем нам ночь?
Зачем нам тень?
Отдайте день!
Отдайте свет!
У нас другого в жизни нет!
Возьмите золото в ночи,
Во мраке Вечности брильянт.
Но пусть космический Талант
нам сотворит Огонь Свечи.
Кричи в крошечной темноте —
На Олимпийской Высоте:
Я есмь молекула Бытия!!
Статья сто восемь дробь один —
Для атома —
ты господин.
Во мраке можно и без глаз
на ощупь двигаться к Мечте.
Я выключателем не раз
пытался Свет включить себе.
Как ток прорезала меня
ИДЕЯ —
Во Мраке Путь всем Осветить!
Да-да,
представьте,
я поджѐг себя. —
Решил,
что лучше Факелом мне быть!
Сгореть,
но с пользой,
не напрасно, —
Стать Частью
Вечного Огня.

Несогласие

Какое несогласие
Царит во всех делах.
Повсюду двоевластие,
Разрозненность в словах.

Противники, соперники!
Одно с другим в борьбе. —
Европы и Америки,
Как камни на горбё.

И сторона обратная
У каждой вещи есть. —
Секунда невозвратная
Клеймит бесчестьем честь.

А Распря ненасытная
Тем самым движет Свет.
Да, страсть людская скрытная, —
Вулкан любви и бед.

Всё в споре вечном кружится, —
В атаке разум наш,
Но ночь со днём не сдружится,
Не пара муке блажь.

О, мудрая Прозёрливость
Создателя СЕГО,
Учла ли ты Прожорливость
У Плода своего?

И в небе звёзды борются
До истинных побед,
Хотя на них и молятся,
Как молятся на Свет.

Морали зарождаются
В войне больших страстей.
Но тени не нуждаются
Ни в чём в Краю Теней.

Но даже Дух Бессмертия
Раздором начинён.
Бессчётные столетия
Он Распре подчинён.

Пороки, добродетели
Идут одной Тропой.
Двуличные свидетели
И с ними и с тобой.

Пусть про-ти-во-ре-чи-во ВСЁ,
Но смысл того велик —
Не будь соперников во всём —
Стал мир бы наш безлик.

Мастер

Работает мастер,
Не покладая рук,
направляя мысли
по нужным каналам...
Он превращается
в крохотный шарик
и отправляется
в мозг человека
на место «аварии».
Пройдёт через Прошлое,
заглянет в Будущее...
О, Великий Мастер,
как хорошо, что Ты есть.
Да.
Значит, у нас есть надежда,
что мир не сойдёт с ума.

Вечный холод

Закоротило время ожидания,
заклинила входная дверь
в Тепло,
где есть огонь.
Период обмерзания, —
лобзание зародышей болезней
скрипучей, бравой песней,
сжимают тёплую мелодию души.
Всей тяжестью
на уши —
холодный и трескучий
колокольный звон.
Бом. Бом. Бом.
Отковырните ЛОМОМ
звонкого,
с протянутой рукой к Теплу.
Теперь ему Тепла не надо —
согрелся всё же ХО-ЛЮ-ДОМ.
Пропал огонь и дверь и дом,
Лишь колокол под небом —
Бом. Бом. Бом.

Волки

Кто сказал,
что волки голодные?
Нет.
Волки сытые,
беззаботные.
И им снится ночами погоня
за баранами в чистом поле.

Кто сказал,
что их стало мало?
Нет.
Волки плодятся,
их больше стало.
Вместо острых клыков, – золотые,
И шубейки у них не простые.

Кто там сказал,
что волк, – это псина?
Нет.
Волк – порядочная скотина.
Если поважен телячьим мясом,
Вот и наглеет он с каждым часом.

Кто там сказал,
что волки несчастны?
Нет,
волку в «стаде» живётся прекрасно.
Шкуру волчью прикрыл собольиной,
Морду хищника – робкой скотиной.

Иду Туда

Иду Туда, один средь всех,
Средь рбсыпи чужих потех.
Иду сквозь синий лёд души,
сквозь взорванную гладь тиши.

Мой путь – аршин всего Бытия,
и изменить его нельзя.
Аршин к аршину, к следу след —
тускнеет в рамочке портрет.

Не обойти,
не повернуть
шкалы упрямейшую ргуть.
Сквозь кольца дерева,
к листве...
а проступлю я на кресте.

Я, не похожий на себя,
иду туда,
куда идти нельзя.
Всеобщий праздник впереди
грозится, что не даст пройти.
Он тормозит со всех сторон. —
Хмельной звонарь —
и дикий звон,
и душит пепельная пыль
летит от праздника,
и гниль.

И ветви пальцев грязных рук
хватают, тянут в омут – круг.
А в центре круга – стержень зла
ждёт жертвы – нового «козла»...

Но вырываюсь, и бегу
в переодетую беду, —
частично сохранившийся,
к чертям развеселившимся.
По липкой взлётной полосе
в обрывках крыльях.
На хвосте —
мой керосиновый фонарь,
хранит лампадовую даль.

Я – Далеко, и города,

потерянные навсегда,
вот-вот сольются в Млечный Путь,
в зашкаленную в пике ртуть.

Я далеко ушёл в свой рок,
испепелив родной порог.
Мешает обернуться страх,
в нависшей тучей на глазах.

А ниже глаз, – сухая грудь
пытается младенца обмануть.
И чья-то нервная рука
всё давит каплю молока.
Вниз от груди, как мёртвый грех, —
шрам наркотических потех.
А выше, – треугольный мох, —
могильный холмик средь дорог.

Мешает обернуться мне,
стекающая по стене
моего тела, тень – мишень, —
крик загоревшегося сердца на Огне.

И отражённый от Мечты, —
от самой ослепительной звезды,
мой взгляд снесёт мне слепоту.
Я каплей брошусь на плиту
не с целью: тут же умереть,
а с целью: пламя одолеть.

Но жаль, что капелька мала,
И не страшна Огню
ни капельки она.

Ветер Времени

Ветер Времени, замети мои следы.
Я исчезнуть хочу,
и родиться в четвёртый раз.
В Будущем меня не узнают.
В прошлом уже забыли.
Я исчезнуть хочу.
И к тому же, больна́ душа,
и чувствует себя неважно.
Ветер Времени, замети моё Прошлое...
Я пришивал к себе Нежность
глубокими бороздами.
Ей было больно,
и она карябалась.
Вместо ниток, —
токи моего Желания.
Почему же она карябалась?
Ветер Времени, унеси моё Прошлое,
я исчезну,
но Только скажу:
«Меня нет».
Скажу:
По делам,
в командировку.
Или просто:
купил бессрочную путёвку.
А ты никому не болтай обо мне,
и о четвёртом моём рождении
во весь свист не ори.
Я исчезаю. Спасибо, Времени Ветер,
что унёс
тугой комок моих сумасшедших мыслей,
который пинали отутюженные женоподобные.
Спасибо, что вырвал мой Нимб,
обрызганный ржавой слюной.
Спасибо, что очистил его в откровеньях дождя.
Спасибо, что спас моё Прошлое
от приговора Будущего.

Я исчез... и, как будто бы, Этого не́ было.
Ничего не стало...

Кнут, уздечка и небо

Я хлещу худую кобылу
по костлявому, бедному крупу.
Загоню ж ошалелую в мыло,
Где ей сил тогда взять, полутрупу?
Изо рта кровоточит, и пена,
как сугробы за дряхлой телегой...
У бедняги не выдержат нервы,
вот-вот лопнут бурлящие вены.

Ошалела от боли кобыла
и взметнулась в Свободное Небо.
Удила навсегда раскусила
и от сути Кнута Возлетела...
Я пред ней уменьшался в Размерах,
а мой кнут бил по пыльной дороге.
Я один посредине тревоги
поправлял узелочки на нервах.

И в телегу запрягшись, устало,
я тащил её, вытянув шею.
А кобыла мне с неба сказала:
«Вот и ты стал рабом и мишенью»,
После слов её кто-то ударил
по спине моей брошенной плетью.
Я рванулся от боли, страдая,
с диким воплем, похожим на ржанье.

Я бежал меж тяжелых оглоблей,
свист кнута над спиною, – боль в тело.
И всё чаще смотрел исподлобья
на Свободное
Чистое
Небо.

Каверзы

Они как побои ложатся на нас,
спокойствие вводят в ревуший экстаз.
Они бесконечны, пока мы живём.
Не будешь бороться, – проглотят живём.

Едва ты вкусил где-то сладостный миг,
забывшись от чёрных, заспанных интриг,
то помни, стоит за твоею спиной,
злорадствуя каверза, брызжа слюной.

Осилишь её, тут же рядом другая,
своею коварностью тщетно пугая.
Но только упрямость Души и Тела
никак поражения знать не хотела.

А каверзы в ликах взбешённых собак,
вгрызались в одежду. Нет мест для заплат.
И пальцем манили за угол зайти,
чтоб пропасть раскинуть тебе на пути.

Они превращаются в добреньких фей,
случается даже, в хороших друзей...
И подлинник трудно порою понять,
где маски? Где лица? Кому доверять?

Любовь поцелуем меня остужала.
Откуда я знал, что язык её – жало.
Откуда я знал, что спасённый птенец —
Дитя Искуситель, – Кроніда гонец.

Я сладости ел, натываясь на горечь.
Средь белого дня, будто трещина, – полночь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.